М. В. АХМЕТОВА

Ахметова Мария Вячеславовна
канд. филол. наук, старший научный сотрудник, Лаборатория теоретической фольклористики, ШАГИ РАНХиГС
Россия, Москва, 119571, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: malinxi@rambler.ru

«НЕПРАВИЛЬНОЕ» ИМЕНОВАНИЕ КАК ОСКОРБЛЕНИЕ (ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ВАРИАНТНОСТИ КАТОЙКОНИМОВ)

Аннотация. В русском языке от одного населенного пункта часто образуются вариантные названия жителей (катойконимы). Иногда вариант, устоявшийся в локальном (региональном) узусе, не совпадает с тем, который употребляется в неместных СМИ. Результатом является рефлексия локального сообщества по поводу «правильных» и «неправильных» названий. Последние часто ассоциируются с «чужой речью» и воспринимаются как оскорбительные. Такая реакция связана с позиционированием «неправильных» названий как неблагозвучных, грубых. Кроме того, аргументом против варианта могут быть его, во-первых, фонетическое сходство или рифма с каким-либо словом, и, во-вторых, омонимическое сходство. В результате «неправильные» варианты приобретают изначально несвойственную катойконимам экспрессивность и употребляются в пейоративной или инвективной функции.

Ключевые слова: ономастика, названия жителей, катойконимы, вариантность в русском языке, языковая рефлексия.

В русском языке от одного названия населенного пункта (ойконима) при помощи разных формантов образуются разные названия жителей (катойконимы). Основные модели образования катойконимов, их морфологические закономерности, продуктивность разных формантов в определенные периоды хорошо описаны (см., на-

© М. В. Ахметова

пример: [Арапов 1979; Левашов 1968; 1974] и др.), а сами названия жителей с середины XX в. фиксируются специальными словарями[1].

Вариантность подразумевает проблему выбора: как следует называть жителя того или иного города? Оттопонимических дериватов, известных всем носителям языка (наподобие *москвичи*, *одесситы*, *нижегородцы*), не слишком много, для большинства этот пласт лексики находится в пассивном запасе. Значительная часть катойконимов активно употребляется лишь жителями конкретных регионов и соседних с ними, т. е. теми, для которых соответствующие населенные пункты являются актуальными (так, название жителей Улан-Удэ в целом актуальнее для населения Восточной Сибири, чем, скажем, Центральной России).

Проблема выбора может рассматриваться с двух позиций — более очевидной «внешней» (с точки зрения, к примеру, журналиста центральных СМИ и вообще любого человека, не являющегося жителем некоторого населенного пункта, но у которого возникает потребность в именовании его жителей), и «внутренней» (с точки зрения самогó локального либо регионального сообщества).

Если говорить о «внешней» позиции, то ответ на вопрос о «правильном» названии принято искать в справочных изданиях. Однако словари названий жителей изначально задумывались не как нормативные справочники, а как собрание материала; кроме заведомо выводящихся за пределы нормы «местных» и «устарелых» лексем, они зачастую содержат несколько «наиболее употребительных» вариантов, а информации о местных предпочтениях не содержат. Что касается орфографических словарей (и создающихся на их материале справочников для дикторов радио и телевидения), они, во-первых, отражают названия жителей намного менее полно, а во-вторых, в них часто включается один-единственный вариант для одного населенного пункта. Этот вариант может не соответствовать принятому в регионе, и более того, не соответствовать даже общим тенденциям в именовании жителей соответствующего населенного пункта, отражаемым, в частности, в СМИ[2].

Для самого локального сообщества при наличии двух и более вариантов одни являются экзонимами, а другие — эндонимами. По имеющимся данным (материалы анализа газет, Интернета, полевые материалы), можно выделить следующие ситуации соотношения вариантов в регионе и за его пределами.

1. В регионе установился дериват А; вне региона употребляются дериваты А + В (например: в Пятигорске — *пятигорчане*, вне — *пятигорчане* и *пятигорцы*).

---

[1] Имеются в виду словари оттопонимических дериватов под редакцией А. М. Бабкина (1964), А. М. Бабкина, Е. А. Левашова (1975), Е. А. Левашова (2000) и И. Л. Городецкой, Е. А. Левашова (2003).

[2] В статье [Ахметова 2013] приводятся сравнительные статистические данные по употреблению ряда катойконимов в газетах с 1990-х годов; в центральных газетах может преобладать тот же вариант названия жителей определенного населенного пункта, что и в газетах этого населенного пункта.

2. В регионолекте отмечена конкуренция вариантов А и В, как и вне регионолекта: А + В (+ С) (например: в Муроме конкурируют варианты *муромцы* и *муромляне*, за пределами города употребляются оба варианта, а также *муромчане*).

3. В регионолекте и вне его употребляются принципиально разные варианты (например: в Ярославской области для названия жительницы используется исключительно вариант *ярославна*, за пределами области — *ярославка*).

Тексты, которые будут рассмотрены в данной статье, спровоцированы частотной ситуацией столкновения представителей локального сообщества с употребленным в центральных СМИ или самостоятельно порожденным неместным жителем катойконимом, который не совпадает с тем, что принят в данном населенном пункте (в устной речи, в местных газетах, в текстах, с которыми к жителям обращается местная власть, и т. д.). Следствием являются подчас болезненные рефлексии по поводу «правильности» одних вариантов и «неправильности» других, продуцирующие устойчивые суждения. Эти рефлексии могут выплескиваться на страницы местных газет (в письмах читателей и в статьях, написанных журналистами), находят отражение в сетевом общении (от полемики в блогах и на форумах до комментариев к электронным версиям новостных статей). Частным случаем являются дискуссии на локальном уровне, когда в одном населенном пункте различные социальные группы считают правильными разные варианты; эти дискуссии в целом аналогичны описанным выше.

Я не буду останавливаться на таких важных мотивах данных рефлексий, как традиционность обсуждаемых названий и их соответствие литературной норме; подкрепление доводов в пользу одного и против другого варианта авторитетом «традиции» и «норм языка» заслуживает отдельного исследования. Отмечу лишь, что участники дискуссий часто заявляют, что употребление «неправильных» названий свидетельствует о безграмотности, — таким образом, исключая их из сферы литературного языка. При этом подавляющая часть таких названий зафиксирована словарями, встречается в литературе, в том числе классической, а некоторые принятые в локальном узусе варианты могут в словарях вообще отсутствовать и формально к литературному языку не относятся.

Предметом моего внимания будут аспекты рефлексий о «правильных» и «неправильных» названиях жителей, напрямую или опосредованно связанные с категориями обиды и оскорбления.

* * *

Зачастую употребление «неправильных» вариантов ставится в вину журналистам, прежде всего московским.

Например, на портале «Новости Кемерово» была опубликована статья «Для Москвы мы “кемеровцы”?», автор которой негодует на ведущую программы «Вести», назвавшей жителей Кемерова не *кемеровчанами*, а *кемеровцами*, и язвит: «Привет вам, пафосные телемосковиты, от России,

лежащей за пределами МКАД!» (Keminfo.ru, 6.02.2007)[3]. Кировский блогер начинает одну из своих записей с упоминания «московских журналюг, путающих кировчан с кировцами» (Breys.ru/blog, 2009), а вологодский автор жалуется в социальной сети:

> Интересно, есть еще такой регион России, названия населенных пунктов в котором так же охотно путают и коверкают жители центрального региона (журналисты федеральных СМИ?) Ладно еще ударения в названии бедного Великого Устюга — это еще можно понять, ладно еще упорное наименование вологжан вологодцами (даже мои знакомые пытались назвать меня вологодцем — жуть!) (Vk.com [Иван Мухин], 2011).

Наконец, иркутский автор Юлия Сергеева в статье с показательным названием «Дорогие мои иркутчи» рассказывает, что сама она «как истинный патриот вела беседы с телевизором ‹…›, обзывая московских журналистов идиотами, вопя на всю комнату: “Не иркутчане мы, а иркутяне!”» («Иркутский репортер», 23.07.2011).

Вообще ассоциация «неправильного» именования с московскими СМИ может не соответствовать действительности; например, если говорить о названиях жителей Иркутска, в центральных газетах с 1990-х годов доля непопулярных в регионе *иркутчан* составляет всего 2,7% [Ахметова 2013: 91]; вероятно, ситуация на центральных телеканалах едва ли сильно отличается. Однако локальное сообщество маркирует именно отвергаемое словоупотребление, и таковое становится одним из пунктов, по которому малая родина сопоставляется с Москвой, а последняя подвергается критике.

Нередко проблема актуализируется в связи с массовым освещением в прессе событий в определенном регионе, которое зачастую требует упоминания в репортажах названий местных жителей. В этом аспекте употребление «неправильных» вариантов описывается в контексте журналистской «безграмотности». Например, в 2010 г., когда в Смоленской области проходили траурные церемонии по случаю 70-летия катынской трагедии, а под Смоленском в авиакатастрофе погиб президент Польши Лех Качиньский, местные жители выражали возмущение тем, что журналисты не только произносят топоним *Катынь* с ударением на второй слог (в данном случае местная норма отлична от общей), но и называют жителей Смоленска *смоленцами* или *смоляками*, а не *смолянами*:

> Словарик для журнализдов: В слове «Катынь» ударение на первый слог. В Смоленске проживают не «смоленцы», а смоляне. А то ишь, грамотеи (Livejournal.com [dixie-flatline], 2010).

[3] Здесь и далее при цитировании СМИ приводятся название газеты и дата публикации, для сетевых новостных источников — название сайта и дата, для блогов и форумов — адрес ресурса, ник автора в квадратных скобках (если запись в настоящее время недоступна, ник не указывается). Опечатки, орфографические и пунктуационные ошибки исправляются; значки-эмотиконы убираются; особенности интернет-речи сохраняются.

> Кстати, смолян весьма сильно коробит то, что населенный пункт К**а**тынь (ударение на первом слоге) ‹…› российские официальные лица и центральные СМИ почему-то называют Кат**ы**нью (с ударением на втором слоге). ‹…›
> Скудность официальной информации [о крушении самолета] создало благоприятную почву для слухов и домыслов. ‹…› …Жители города Смоленска (смоляне, а не смоленцы, как называют нас СМИ) начали по крупицам собирать информацию… (Е. И. Жмуриков, Авиакатастрофа в Смоленске // Журнал «Самиздат» (Samizdat.ru), 18.04.2010).

Маркируется также «неправильное» именование приезжими артистами, политиками, общественными деятелями и т. д. Так, петрозаводский политик А. В. Чаженгин приводит обращения *пряжцы* вместо *пряжинцы* (о жителях пгт Пряжа) и *петрозаводцы* вместо *петрозаводчане* в качестве примера неуважения к местным жителям:

> Взять того же Явлинского. От него вы не дождетесь такого, чтобы на пресс-конференции в зале правительства жителей Пряжи он называл «пряжцами». Болдырев же себе такой уровень отношения позволяет. А что дальше? «Уважаемые карельчане» или «петрозаводцы»? («Губернія» (Петрозаводск), 15.07.1999).

Если посещение города неместными жителями оставило негативное впечатление, употребление «неправильного» названия непременно перечисляется в списке их «грехов». Например, в заметке о вологодском кинофестивале им. Ю. Д. Половникова, где в жюри участвовали москвичи, отмечается, что церемония закрытия была превращена в «фарс» — столичные знаменитости награждали «своих», не вспомнили о сыне Половникова, который должен был вручить гран-при имени отца победителю, а кроме того, «переврали» имя Половникова и название жителей Вологды:

> …Зрители с удивлением услышали, что вологодцам (!) (так в источнике. — *М. А.*) несказанно повезло, что они стали участниками кинофестиваля имени Юрия: Половикова!
> Когда мы стали вологодцами и почему обладатель «Серебряного витязя», основатель документального кино в нашей области Юрий Половников вдруг стал Половиковым, история умалчивает («Русский Север» (Вологда), 23.11.2005).

В другой вологодской газете авторы статьи, в негативном тоне повествуя о приезжих пиарщиках, участвовавших в подготовке выборов в Законодательное собрание («они проводят выборы и уезжают, оставляя после себя горы дерьма и руины человеческих отношений. А почему бы и нет? Им тут не жить. И никакие нравственные обязательства их не связывают»), сетуют:

> Эти люди приезжают к нам из Москвы (Нижнего Новгорода, Иваново, Петрозаводска) примерно за полгода до выборов. И в первых подготовленных материалах упорно именуют нас вологодцами («Премьер» (Вологда), 14.03.2007).

Журналисты иркутской газеты, давшие своей статье красноречивый заголовок «Заезжие экологи показали иркутянам свое невежество», рассказывают о посещении Иркутска представителями международной группы «Экозащита»:

> Несколько часов они веселили публику — называли иркутян «иркутчанами», пропагандировали использование энергии ветра и заявляли, что сырье, которое Ангарский электролизно-химический комбинат использует в своей работе, — это и есть ядерные отходы («Номер один» (Иркутск), 7.12.2006).

Для смоленского журналиста Игоря Струженкова употребление неместными коллегами названия *смоленцы* вместо *смолян* служит свидетельством высокомерия — наряду с негативной оценкой игры местных футболистов:

> …В их отношении к середняку из Смоленска, как показалось, сквозила некоторая высокомерность. Например, в предматчевом ролике пресс-служба «Локо-2» допустила ошибку, указав, что в прошлом сезоне «Днепр» играл на любительском уровне, а в отчете, написанном после игры, наши футболисты были названы «смоленцами» («Рабочий путь» (Смоленск), 19.06.2010).

И наоборот: если приезжий употребляет «правильный» катойконим, это служит для него своеобразным «бонусом». Так, участник тамбовского форума в контексте обсуждения пары *тамбовцы—тамбовчане* вспоминает приезд в Тамбов А. Б. Чубайса, который

> …назвал тамбовчан тамбовчанами ‹…›, тут я его даже зауважал на несколько минут (Tamboff.ru [Ежик], 2011).

Кроме того, может маркироваться употребление «неправильного» названия абстрактными неместными жителями либо непопулярными местными политиками:

> Слова «муромляне» и «муромчане» появились в 60-е годы прошлого века[4]. Причем слово «муромчане» придумали «писатели» — не муромцы, а из других городов. И оба неправильных и неграмотных слова почему-то прижились. Конечно, вроде как слово «муромляне» звучит мягче, напевней. Но это неправильно (Murom.ru, 2010; запись удалена).

[4] Для слова *муромляне* — фактически неверно: оно встречается в документах конца XIX в.

> …Наш губернатор Е[гор] С[троев]. Сами-знаете-кто из дерёвни, поэтому он говорит «орловцы», хотя ‹…› люди, которые живут в г. Орле, — орловчане. Но все СМИ в угоду Удаву (никнэйм нашего всего) пишут «орловцы». И меня это БЕСИТ!!! (Livejournal.com [jazom], 2010).

Следствием восприятия отвергаемых вариантов как чужеродных и безграмотных является манифестация обиды: «неправильный» вариант объявляется оскорбительным, унижающим достоинство местных жителей, вызывающим обиду и боль; он уподобляется инвективе, а его употребление зачастую описывается при помощи глагола *обзывать*. Например, житель Смоленска пишет на форуме, что на «Земле Смоленской» живут «не “смоленцы” и не “смоленчане”, а именно “смоляне”», подчеркивая, что местные жители «на такие “синонимы” обижаются» (Forum-slovo.ru [Панас Смолянин], 2010). Пользователь муромского форума отвечает автостопщику из Сочи, обратившемуся с вопросом к «добрым муромчанам»:

> …Если будете о б з ы в а т ь муромлян или муромцев — муромчанами, они могут оказаться недостаточно добрыми (Murom.ru [Wasq_], 2005).

Жители Тамбова, предпочитающие называться *тамбовчанами*, как оскорбительный воспринимают вариант *тамбовцы*:

> Я тамбовчанин, и когда меня называют тамбовцем, воспринимаю это как о с к о р б л е н и е. ‹…› Прошу администрацию [форума] в случае, если меня здесь обзовут тамбовцем, дать этому человеку предупреждение за нанесение оскорбления (Tamboff.ru [Ежик], 2011).

> У нас только недавно сняли эпохальную надпись ‹…› на здании библиотеки. Гласила она — ТАМБОВЦЫ! ЛЮБИТЕ СВОЙ ГОРОД! Прямо вот непривычно даже без такого о б з ы в а т е л ь с т в а (Livejournal.com, зап. [dimkox] в блоге [sam-live], 2010).

> Никогда не говори «тамбовцы», только «тамбовчане»! Это как, ну, сказать на афроамериканца — нигер (Dnevnik.bigmir.net [Синий_чулок], 2008).

Газетная статья о названиях жителей Иркутска начинается с заявления:

> Как можно о с к о р б и т ь жителя Иркутска сильнее всего? Уж точно не назвав «замкадышем». Сильнее всего иркутянин негодует, когда его называют иркутчанином. «Убью, если от кого услышу», — ёмко выразился один молодой человек, глядя прямо в глаза («Иркутский репортер», 23.07.2011).

По мнению жителя Твери Я. И. Заровного, высказанному им в письме в «Тверскую газету» (18.03.2011),

> …страницы тверских газет буквально усеяны сорными словами типа тверичи, земляки, тверяки и т.д. ‹…› Все эти воззвания к тверичам, землякам, тверякам унижают достоинство наших сограждан, оскорбляют их чувства к городу. ‹…› Появление новообразования типа тверичане, тверичанин, тверичанка не соответствует духу древней Твери, принижает величие современной Твери.

В ответ на запись в официальном блоге губернатора Орловской области А. П. Козлова, согласно которой «государство высоко оценило подвиг орловцев» во время Великой Отечественной войны, был оставлен комментарий:

> …Мне всегда больно слышать в адрес коренных жителей города, это то, что нас называют орловцами, но мы же не ...овцы, мы — ОРЛОВЧАНЕ! И это должно звучать гордо и непременно, раз и навсегда, должно быть прописано в новом Уставе города Орла (Blog.orel-region.ru [Соломатин Евгений], 2010).

Отдельного внимания заслуживают рефлексии сенсорно-вкусового характера, согласно которым отвергаемый вариант дискредитирует его звучание. Наряду с абстрактными оценками благозвучия одного варианта и неблагозвучия другого («больше/меньше нравится», «красиво/некрасиво», «приятно/неприятно») важное место занимают оценки, связанные с критерием «грубости/мягкости». К примеру, опрошенные мною в 2013 г. жители Тамбова разных возрастов, считавшие правильным вариант *тамбовчане* (*тамбовчанин*, *тамбовчанка*), а не *тамбовцы* (*тамбовец*, *тамбовка*), высказывались о первом как о «мягком», «ласковом», звучащем «нежно, по-женски» (о слове *тамбовчанка*), «близком, родном, добром названии», а о втором как о «грубом», «оскорбляющем слух» и даже «ругательном». Примечательно, что информанты, рассуждая о вариантах, нередко маркировали их особым интонированием, напевно растягивая ударную гласную в слове *тамбовчане*, а слово *тамбовцы* произносили нарочито резко. Приведу схожие оценки пары *муромляне–муромцы* из полевых записей 2005 г. и из Интернета:

> [О названии *муромляне*:] Вот вы знаете, немножко мягче. Мягче. А «муромцы» — грубее (ж., 1965 г. р., зав. библиотекой).

> «Муромляне» — как-то, знаете, плавно, тягуче так. ‹…› [Местная] речь — такая вот плавная, напевная, поэтому вот я говорю, что «муромляне» так звучит более благозвучно (ж., 1956 г. р., учительница).

> Сколько себя помню, всегда говорили «муромляне» и «муромлянки». А «муромцы» уже потом появились. И слышится как нечто обкусанное (Murom.ru [Аленка], 2010).

В 2006 г. одна из тверских газет проводила опрос, какой вариант предпочитают читатели: *тверичи*, *тверичане* или *тверитяне*. В некоторых ответах сенсорно-вкусовая мотивация сочеталась с мотивациями, связанными с традиционностью и грамотностью:

> Михаил Васильевич, столяр: Думаю, что мы — тверичи. Это не только произносится благозвучно, но, на мой взгляд, более правильно. По крайней мере, себя я считаю именно тверичом.
> Любовь Витальевна, оператор: Считаю себя тверичанкой и этим горжусь. Других режущих слух определений не приемлю. Поскольку они надуманы и не отражают исторической истины («Горожанин» (Тверь), 16.11.2006).

В том же выпуске газеты было опубликовано стихотворение местного поэта Б. И. Зверева «Как нас теперь называть». Автор, считающий правильным вариант *тверяк*, *тверячка*, издевается над «корявым» названием *тверитяне* и предлагает абсурдные переделки названия *тверитянка*:

> И вроде я умом не слаб,
> Но непонятно без полбанки,
> Как называть мне здешних баб:
> То ль тваританьки, то ль втвеританки.

Таким образом, само звучание катойконима подразумевает его аксиологический статус: благозвучие словно сообщает названию жителей позитивное отношение к самим жителям, а подкрепленное историческими коннотациями — гордость за малую родину (см. об этом далее); неблагозвучное же название сообщает негативное (вплоть до пейоративного) отношение к жителям, принижая их.

Не случайно частым аргументом против варианта является его фонетическое сходство или рифма с каким-либо словом, имеющим отрицательные коннотации или окказионально наделяющимся ими. Например, жители Твери, отвергающие вариант *тверитяне*, могут мотивировать это созвучием со словом *инопланетяне*, а отвергающие *тверичей* — созвучием со словом *куличи*, ср. записи с тверского форума:

> На наших телеканалах говорят, что в Твери живут «тверитяне»-«инопланетяне»… (Tverforum.ru [katenok5555], 2010).

> Вообще тверичане и правильно. ‹…› А всякие инопланетяне и куличи пошли от безграмотных приезжих да от местных руководятлов (Tverforum.ru [ГИП], 2010).

> Тверичанка звучит благороднее, чем тверитянка-инопланетянка (Tverforum.ru [Алла765], 2010).

Названия на *-чане* обычно переосмысливаются через слово *чан* и конструкцию *в чане*. Например, тамбовский автор Н. Н. Веселовская, активно участвовавшая в местной газетной дискуссии о вариантах *тамбовцы* и *тамбовчане*, отвечает комментатору своей статьи, размещенной на литературном сайте:

> «Ковровчане» однозначно воспринимаются как ковры в чане. Еще хуже «котовчане» (жители Котовска) — коты в чане, «гусевчане» — гуси в чане... (My-works.org [vesnag], 2013).

Ср. высказывания жителей Орла, предпочитающих название *орловцы* и отвергающих название *орловчане*:

> А мне более нравится, когда называют орловцами, чем орловчанами... В последнем варианте видятся не люди, а чаны с капустой... Орлов чаны (Infoorel.ru [SWG], 2010).

> Орловчане… слышится: орлы в чане; как куры в горшке. Наши предки писались: орловцы. Строже, тверже, достойнее («Орловский вестникъ», 30.12.2010).

Интересно, что подобные суждения могут рождаться вне локального сообщества, но находить в нем поддержку. Например, журналистка из г. Чехова Московской области Ольга Авдеева приводит высказывание писателя и телеведущего Вячеслава Шугаева, который посещал культурные мероприятия в Чехове, проводившиеся музеем:

> Представьте себе ребус: Чехов сидит в чане (то бишь в большом тазике). Так образуется слово «чеховчане». Если уж возникло такое название — город Чехов, говорил В. М. Шугаев, то не унижайте Антона Павловича, ежеминутно направляя его с тазиком в баню. Не говорите: Чехов — в чане. Говорите: чеховцы, чеховец, жительница Чехова («Лопасня» (Чехов), 2.02.2012).

Похожее свидетельство приводит чеховский журналист и блогер Елена Лиховидова — со ссылкой на того же Шугаева, а также на ряд местных писателей и почетных горожан:

> Их пытливый ум был поглощен происхождением слов, этимологией. Поэтому они и обнаружили неэстетичное сочетание в слове чеховчане — «Чехов в чане». Для наглядности и пущей убедительности в ту пору по народу даже «гуляли» карикатуры, изображающие интеллигентного Чехова в пенсне и… в тазике (чане).

К этому образу обращается и сама Лиховидова, призывая:

> Не сажайте Антона Павловича в кадку! Я и своих детей этому учу (Blogs.mail.ru [elena_lih], 2011).

(Примечательно, что в случае с представлением названия *чеховчане* как «Чехов в чане» адресатом оскорбления является личность, именем которой назван город, тогда как в остальных рефлексиях подобного рода имплицитно выражена идея, что «неправильное» название унижает его носителей.)

Названия на *-(ов)цы* прочитываются через слово *овцы*. Например, жители Орла, считающие правильным название *орловчане*, мотивируют этой рифмой неблагозвучие названия *орловцы*, а само слово представляют как «гибрид орла и овцы»:

> Не так давно на одном орловском ресурсе уже обсуждалось, кто мы, орловцы или орловчане. И большинство согласилось, что лучше уж быть орловчанами, чем орлОВЦАМИ (Blog.orel-region.ru [авось да небось], 2010).

> Неужели кто-то реально может себя называть ОРЛ-овцой? УЖАС! (Vorle.ru [Inohvat], 2007).

> Орловчанин по мне звучит лучше, чем орловец… Прям невиданное животное из мифов, орел и овца в одном флаконе (Vorle.ru [Stingo], 2007).

> Интересно, какой, мать его, москаль привнес моду орловчан называть орловцами, помесь орла и овцы, может быть? (Foru.neruch.ru, 2009; запись удалена).

Рифма со словом *овцы* служит основанием для дискредитации «неправильного» варианта названия жителей Тамбова (*тамбовцы* — вместо *тамбовчане*), ср. мои полевые записи 2013 г.:

> Я сейчас не помню, кто, от кого я впервые услышала «тамбовцы», я помню, мне это очень не понравилось. Какие-то овцы. И потом я слышала от других людей тоже, которые так считают (ж., 1947 г.р., сотрудник библиотеки).

В рефлексиях жителей Тамбова широко распространен мотив визуальной игры со слово *тамбовцы* в прецедентном тексте — лозунге «Тамбовцы, любите свой город!», который более десяти лет (1995—2007) украшал крышу Областной библиотеки им. А. С. Пушкина, примыкающей к центральной площади города. Упоминаются различные варианты искажения названия жителей на надписи, в результате адресатами надписи становятся собственно «овцы» («Овцы, любите свой город!»), либо надпись позиционируется как указывающая на то, что жители города являются «овцами» («Там овцы…»). Таким образом, «неправильный» вариант, употребленный в надписи, осмысливается как равнозначный инвективе в адрес жителей города (см. об этом подробнее: [Ахметова 2015]).

Наконец, иногда против варианта играет его «невыгодная» омонимия. Так, жители Ярославля отвергают единственный отражаемый словарями вариант названия жительницы *ярославка* в пользу названия *ярославна*, поскольку первый вариант омонимичен породе коровы либо разговорному названию Ярославского шоссе:

> [Вопрос:] Как правильно назвать жительницу, жителя и жителей города Ярославля?
> [Ответ справочной службы русского языка:] Правильно: ярославцы, ярославец, ярославка.
> [Вопрос:] Все верно ли? Любая уважающая себя жительница Ярославля обидится на такое обращение (ярославка — порода коровы). По-ярославски правильно ярославна (Gramota.ru, вопрос № 250207).

> [Во время экскурсии по Ярославлю] наш гид Ольга очень просила называть жительниц Ярославля ярославнами, как положено, а не ярославками, так как это порода коровы с высокими удоями. Передаю ее просьбу в массы (Otzyv.ru [OxanaK], 2008).

> Я знаю породу коров «Ярославка», поэтому ‹…› предпочитаю называть себя ярославной. Тем более что поэт Лев Ошанин написал замечательный гимн всем нам — ярославнам, закрепив за нами право не быть «ярославками»[5] (Diets.diets.spsu.ru, 2010; запись удалена).

> «Ярославка» — это порода коров, выведенная у нас в области, еще так в Москве называют шоссе М8; жительница же Ярославля называется «ярославна» (Livejournal.com [kotobasis], 2007).

Для жителей Кирова, которые предпочитают называться кировчанами, мотивацией нежелательности варианта кировец является то, что такое название носит трактор, выпускавшийся на Кировском заводе (сейчас — на Петербургском тракторном заводе). Например, ИА Regnum сообщает о случае на открытии фестиваля социальных кино- и телепрограмм в Кирове:

> …Не обошлось без курьеза, который изрядно повеселил зрителей. Актриса Татьяна Конюхова, приветствуя жителей города, назвала их «кировцами». Кировчане пояснили: «Кировец» — это трактор (ИА Regnum, 23. 08. 2004).

Аналогичным образом жители Коврова, предпочитающие называться *ковровчанами*, реагируют на вариант *ковровец*, приводя в качестве доказательства то, что так называются местный экскаваторный завод, а также марки экскаватора и мотоцикла:

---

[5] Имеется в виду песня «Ярославия» на стихи Льва Ошанина (1973), в которой лирическая героиня — жительница города — именуется *ярославной*.

> Извините, но жителей Коврова принято называть ковровчанами (ковровчанин, ковровчанка). Ковровец звучит как название экскаватора, который выпускают в этом городе! Следите, пожалуйста, за слогом! (сайт газ. «Комсомольская правда» (Kp.md.ru), коммент. к статье «Ковровец снимал самоубийство на видеокамеру», 13.01.2009).

> А жители у нас предпочитают зваться ковровчане и ковровчанки. Ковровец — это экскаваторный завод и ещё старенький моцык [мотоцикл] (Dieta.ru [Игрица], 2010).

Название *орловцы* также может отвергаться по причине омонимии с породой лошадей:

> …Наш губернатор ‹…› говорит «орловцы», хотя это — рысаки орловской породы, а люди, которые живут в г. Орле, — орловчане (Livejournal.com [jazom], 2008).

Одним из доводов против названия *тамбовцы* является омонимия с названием преступной группировки:

> …«Тамбовцами» в зомбоящике называют тамбовскую преступную группировку в Питере. Я не с ними!!! (Tamboff.ru [Детка], 2011).

> Тамбовцы это те, кто в Питере. А в Тамбове тамбовчане (Velomania.ru, 2011; запись удалена).

* * *

Такой механизм выражения чуждости отвергаемого варианта, как его переосмысление в результате языковой игры с использованием фонетически сходных или рифмующихся лексем, типологически схож с тем, что заложен в дразнилках — как отыменных и отфамильных (ср. *Ленка-пенка* либо именование человека по фамилии Пенкин *Пенкой*, если оно прежде всего имеет целью нанести обиду, а не функционирует как прозвище), так и адресованных локальным группам. Фольклору известны локально-групповые прозвища, бытующие как сами по себе, так и в контексте присловий, дразнилок и географических песен, где иронически говорится о жителях соседних деревень (см., например: [Дранникова 2003]). В таких прозвищах наряду с семантической мотивацией, указывающей на реальные или мнимые особенности жителей той или иной местности, задействуется и формальная, например:

а) рифма: о жителях Каргополя: *Каргополы — долгополы / долги полы* [Воронцова 2011: 102]; о жителях Торопца: *Торопчане — египчане* [Там же: 108]; о жителях ветлужского края: *Ветлугаи-попугаи* [Там же: 264], *Ветлугаи-голодаи все заборы оглодали* [Там же: 84]; о жителях верховьев Пинеги: *Верховцы — опалённые* (*палёные*) *овцы*: «Мы ‹…› кричим, кто

мимо проплывает: “Верховцы — опалёны овцы!” ‹…› Они: “Низовцы — ельцы, женились на овцы! Овца дрище, барана ище!”» [Там же: 243]; о жителях Великодворского сельсовета Вологодской обл.: *Великодворы — воры*; о жителях Вытегры: *Вытегоры-воры*; о жителях Торжка: *Новоторы-воры* и мн. др. [Там же: 68–70];

б) аллитерация и метатеза: ***долгопляши*** ‘жители д. **Долгопо**лово Кемеровской обл.’ [Там же: 102]; ***Любимцы — любим**ые ло**вцы**, данило**вцы** — не**выдавцы***… [Там же: 231]; ***ик**оты* ‘жители д. **Ичк**ово Архангельской обл.’ + семантическая мотивация: «Бабки там живут, икоту насаждают» [Там же: 132]; ***луковицы*** (***луковцы***) ‘жители д. При**лук** Архангельской обл.’ + семантическая мотивация: потому что жители деревни выращивали лук [Там же: 205]; ***кулаки*** ‘жители пос. Ков**кул**а Архангельской обл.’: «Молодежь расшифровывала Ковкула как “кованый кулак”. Отсюда пошли кулаки» [Там же: 186]; ***колупаевцы*** ‘жители с. Е**лыкаев**о Кемеровской обл.’ [Там же: 162] и т. д.;

в) сходство с каким-либо словом или выражением: *золотари* ‘жители пос. Золотаревский Кемеровской обл.’ [Там же: 126]; *тары-бары* ‘жители д. Тарабарино Кемеровской обл.’ [Там же: 317], и т. д.

Однако между, с одной стороны, прозвищами, дразнилками и присловьями и, с другой, рассматриваемыми в статье рефлексиями есть существенные функциональные и референциальные различия. В случае с отыменными/отфамильными дразнилками дискредитируется прежде всего объект, т. е. именуемый, а имя является лишь поводом. Что касается локально-групповых прозвищ, функционирующих в том числе в составе присловий, то если они и сообщают негативную информацию, последняя также касается жителей, но не их названия. Кроме того, прозвища, дразнилки и присловья, даже если и несут информацию о неблагозвучности имени (в особенности это касается отфамильных дразнилок), по очевидным причинам не диктуют необходимости его смены (хотя теоретически могут стать поводом для этого), в то время как для рефлексий о названиях жителей эта интенция первостепенна. Наконец, прозвища, по крайней мере осознаваемые как обидные, порождаются вне именуемой группы, тогда как над отрицательными коннотациями рассматриваемых катойконимов рефлексируют их носители. Различие между присловьями типа *Верховцы — опалённые овцы* и восприятием названия *тамбовцы* как дискредитируемого рифмой со словом *овцы* состоит в том, что во втором случае место оскорбляющего остается, как правило, вакантным. Логику рефлексии можно реконструировать не только как *Поскольку «тамбовцы» рифмуется с «овцы», нас могут дразнить «овцами»*, но и как *Называя тамбовцами, нас на самом деле дразнят «овцами»*.

Данная логика вполне эксплицитно выражена в статье каргопольского краеведа М. Крючковой «Мы не каргополы, а каргопольцы»:

> Слово «каргопол» имеет пренебрежительный, грубоватый оттенок. По-видимому, это просторечное название возникло в XIX веке в уездах, соседствующих с Каргопольским. Существовало, существует и теперь своеобразное соперничество между людьми, живущими в разных городах. Восхваляли свой город, для жителей соседних городов придумывали разные шутливые, а иногда и обидные прозвища и поговорки. Слово «каргопольцы» плохо рифмуется с другими словами. Иное дело — слово «каргополы»: «каргополы — рты полы», «каргополы — рваные полы» и т. д. («Каргополье», 20.06.1996).

Примечательно, что лексемы, с которыми созвучны либо омонимичны отвергаемые варианты, могут использоваться в речевой ситуации передразнивания. Например, в ответ на высказывание «Тверичанка звучит благороднее, чем тверитянка-инопланетянка», пользователь форума пишет:

> Продолжай в том же духе, тачанка-тверичанка (форум Tverforum.ru, 2010; запись удалена).

Приведу также два примера, в которых осмысление названия *кировец* как дискредитируемого омонимией с маркой трактора служит основанием для того, чтобы назвать «трактором» собеседника (примечательно, что во втором примере житель Кирова дразнит так чужого, употребившего название *кировец*):

> [arts:] Вы посмотрите, какой кировец!
> [sg:] Сам ты кировец, я кировчанин коренной.
> [arts:] Нет, ты ТРАКТОР.
> [sg:] А ты тракторная отработка (форум Pstonet.ru, 2011).

> [Реплика:] Кировцы, подтвердите или опровергните.
> [Ответ:] Сам ты кировец… трактор, *ля (форум Gorodkirov.ru, 2012).

Наконец, и сами «неправильные» варианты могут приобретать изначально несвойственную катойконимам экспрессивность и употребляться в пейоративной функции. Например, в тамбовском дискурсе о вариантных катойконимах противники названия *тамбовцы*, пользуясь его рифмой с *овцы* и пейоративными коннотациями слова *овца*, зачастую используют этот вариант в качестве инвективы, в том числе в адрес тех, кто не знает родной город (см. [Ахметова 2015]). В то же время противники названия *тамбовчане* могут именовать *тамбовцами* коренных и патриотичных жителей, а *тамбовчанами* — приезжих либо непатриотичных). Например, автор статьи в тамбовской газете Н. Н. Веселовская вспоминает о своей бабке, которая «пустила по городу моду называть коренных жителей “тамбовцами”, а приезжих — “тамбовчанами”» («Тамбовское время», 9.07.1997). А тамбовский краевед В. Кузнецов, осуждая «неправильное название тамбовчане», предлагает

> ...называть тамбовцами коренных жителей Тамбова, тех, кто знает город и любит его. А людей пришлых, не любящих город, можно называть тамбовчанами. Тогда все станет на свое место («Тамбовская жизнь», 23.07.1999).

Приведу еще один пример. При обсуждении на нижнетагильском новостном сайте критической статьи о бывшем мэре города Валентине Исаевой пользователь под ником «Анонимус» отметил, что Исаева «благодарностей от нижнетагильцев не дождалась», на что получил реплику: «Вообще-то, мы — ТАГИЛЬЧАНЕ, а не нижнетагильцы, господин тролль». Ответ «Анонимуса» был следующий:

> Не всех в нашем городе можно тагильчанами назвать, к сожалению… Тагильчане это тот, кто любит свой город, и желает ему всего хорошего, и РЕАЛЬНО на вещи смотрит, и все понимает, а не тявкает из-за угла и чушь всякую необоснованную несет. Вот таких я называю нижнетагильцами! (Все новости: Инф. агентство Нижнего Тагила (Vsenovosti.ru), коммент. к статье «За несколько дней до ухода с поста главы города Валентина Исаева презентовала тагильчанам свою книгу», 10.10.2012).

Логика подобных высказываний реконструируется следующим образом: городское сообщество разделяется на тех, кто соответствует гордому званию жителя города и поэтому достойных именоваться «правильным» катойконимом, и тех, кто настроен непатриотично, поэтому недостоин называться настоящим горожанином и заслуживает лишь употребления в его адрес «неправильного» названия. Имени, таким образом, приписывается содержание информации об отношении именуемого к городу, о его «компетенции» как горожанина. Показательно, что такая логика может отмечаться и в высказываниях, задействующих обратную причинно-следственную связь: само по себе употребление человеком по отношению к себе «правильного» названия делает его достойным горожанином. Так, в уже цитировавшемся выше письме Я. И. Заровного, который сетовал на распространение в тверских газетах «сорных слов» типа *тверичи* и *тверяки*, содержится следующий пассаж:

> Пусть хоть молодое поколение растет с гордым словом тверитянин — тверитянка. И родная Тверь пусть становится для молодых не мачехой, но матерью («Тверская газета», 18.03.2011).

А пользователь муромского форума, отвергая названия *муромляне* и *муромчане* в пользу варианта *муромцы*, апеллирует к исторической памяти и прецедентному имени былинного богатыря Ильи Муромца:

> …Почему же мы коверкаем традиции русского языка и стыдимся своих предков? Глядя в зеркало, видим образ не богатырский? Так это от нас зависит! Да званием своего знаменитого земляка, получившего имя по «прописке», гордиться надо. МУРОМЕЦ!!! Любой мальчишка от этого плечи распрямлять будет и о чести задумается, а не за пивом в киоск побежит. Жители тысячелетнего города забыли свои корни и первоначально сложившееся название горожан. Позор! С таким отношением к своей истории мы не муромляне, не муромчане, а, извини меня, муромсранцы (Murom.ru [Карачаровский куркуль], 2010).

* * *

По всей видимости, в основе экспрессивизации катойконимов лежат совсем иные механизмы, чем в приобретении экспрессивности единицами близкого лексического пласта — этнонимами (ср. *жид*, *нацмен* и т. д.)[6]. Едва ли первостепенна (хотя и, безусловно, важна) в данном случае и логика, обусловливающая семантическую дифференциацию синонимичных понятий, одно из которых является стилистически сниженным (последнее может касаться самых разных синонимических пар[7]). Вероятно, здесь более близка такая аналогия, как отношение к вариантным названиям представителей профессий в соответствующих профессиональных сообществах. Доводом против разговорного названия представителя профессии может служить его дополнительное значение, отличающееся от семантики «профессионализма», ср. *цирковой* vs. *циркач* (об артисте цирка), *пожарный* vs. *пожарник* (о работнике пожарной охраны)[8] и т. д. Эта аналогия представляется оправданной, в частности, по той причине, что стимулом к соответствующим рефлексиям является «внешнее» словоупотребление — как и в случае с рефлексиями по поводу катойконимов, рассмотренными в данной статье.

В заключение хотелось бы отметить, что болезненная реакция на катойконимы, обусловленная их фонетической ассоциацией либо омонимией, отнюдь не универсальна. Например, жителей Галича Костромской области и Иваново совершенно не смущает существование

---

[6] О формировании экспрессивных этнонимов см.: [Грищенко, Николина 2005].

[7] Ср. примеры из Национального корпуса русского языка: «В своей же, еврейской компании могли делить на *евреев* и *жидов*, предпочитая и тому и другому определения “порядочный” или “непорядочный” человек» (М. Козаков, Актерская книга, 1978—1995); «Уважающая себя жена будет стремиться быть *женщиной*, а не *бабой*» (В. Шахиджанян, 1001 вопрос про ЭТО, 1999); ср. также: «Есть хорошие, умные люди, которые достойны уважения, и только они в моем понимании являются теми, к кому можно применять термин “*священник*”, а не “*поп*”. Они не пытаются навязать своего мнения, не лицемерят, не строят двойных стандартов, не имеют какого-либо фанатичного настроя» (форум Lovehate.ru, 2015). Курсив мой.

[8] Ср.: «…Пожарные-профессионалы слово пожарник не приняли, считая его для себя низким, оскорбительным. Дело в том, что *пожарниками* обычно называли инвалидов заштатных пожарных команд, а также пожарных-любителей, членов добровольных пожарных дружин» [Скворцов 1980: 179].

автокранов «Галичанин» и «Ивановец», не говоря уже о жителях Москвы и Запорожья — *москвичах* и *запорожцах*. Причина этому — отсутствие конкурентоспособных вариантов. Наличие же синонимичных вариантов, расходящихся с закрепленными в локальном узусе либо регионе, заставляет маркировать их употребление в речи неместных жителей, актуализируя оппозицию «свое–чужое» как в территориальном аспекте (в частности, в виде противопоставления малой родины и чужого города либо Москвы), так и в социальном (в частности, в виде противопоставления себя «безграмотным» либо «забывшим свои корни» землякам). Позиционирование «неправильных» вариантов одновременно и как неблагозвучных (а тем более схожих либо идентичных каким-либо словам), и как «чужой речи» формирует восприятие их как инвектив в само́м локальном сообществе (поскольку «восприятие словесной агрессии в большой степени зависит от установки адресата» [Жельвис 2001: 78]), и прежде всего само локальное сообщество начинает использовать их в пейоративном качестве.

Наконец, важным фактором является систематическое употребление отвергаемых вариантов за пределами локального сообщества, поскольку окказиональное столкновение с «неправильным» названием (даже при наличии у него омонимов) воспринимается нейтрально, ср. фрагмент из интервью, записанного фольклорной экспедицией Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в г. Беломорск по поводу искусственно образованного названия *беломорка*, в качестве катойконима не отмечаемого словарями и фактически неупотребимого:

> *Соб.*: Жителей Беломорска как правильно называть? «Беломорцы», «беломорчане»?
> *Инф.*: «Беломорчане» зовут обычно.
> *Соб.*: А «беломорцы», «беломорка» — это неправильно?
> *Инф.*: «Беломорка» — это у нас сельдь только. ‹…›
> *Соб.*: То есть не бывает, что жителей называют «беломорка», «беломорцы»?
> *Инф.*: Нет, «беломорчане». Ходит в ходу уже «беломорчане». Поморы, беломорчане. А сельдь у нас деликатес. Жалко, сейчас не ловится… (ж., 1932 г. р., зап. М. Д. Алексеевский и А. С. Лебедева в 2011 г.).

Литература / References

1. Арапов М. В. (1979). Соотношение существительных со значением «название местности» и «название жителей данной местности» в современном русском языке // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1979. С. 469–504.

Arapov, M. V. (1979). Sootnoshenie sushchestvitel'nykh so znacheniem "nazvanie mestnosti" i "nazvanie zhitelei dannoi mestnost" v sovremennom russkom iazyke [Correlation of nouns with the meaning 'name of a locus' with nouns with the meaning 'name of inhabitants of this locus' in contemporary Russian language]. In *Problemy strukturnoi lingvistiki* [Problems of structural linguistics], 469—504. Moscow: Nauka. (In Russian).

2. Ахметова **М. В. (2013). Вариантность названий жителей (по данным электрон**ной базы СМИ «Интегрум») // Вестник РГГУ. Сер. «Филол. науки. Языкознание». № 8(109) (Московский лингвистический журнал; Т. 15). С. 86–105.

Akhmetova, M. V. (2013). Variantnost' nazvanii zhitelei (po dannym elektronnoi bazy SMI "Integrum") [Variance of names of inhabitants (based on the media-database "Integrum")]. *Vestnik RGGU, ser. "Filol. nauki. Iazykoznanie*" (RSUH/RGGU Bulletin, Ser. "Philology. Linguistics"), *no. 8(109)* (*= The Moscow Journal of Linguistics, 15)*, 86—105. (In Russian).

3. Ахметова М. (2015). *-Овцы* vs. *-чаны*: языковая игра в полемике о названиях жителей Тамбова // Антропологический форум. № 24. 2015. С. 120–140.

Akhmetova, M. (2015). *-Ovtsy* vs. *-chany*: iazykovaia igra v polemike o nazvaniiakh zhitelei Tambova ["Ovtsy" vs. "chany" ("sheep" vs. "vats"): wordplay in the polemics about names of inhabitants of Tambov]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], *24*, 120—140. (In Russian).

4. Воронцова Ю. Б. (2011). Словарь коллективных прозвищ / Ред.-лексикограф Н. В. Галинова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. 448 с.

Vorontsova, Iu. B. (2011). *Slovar' kollektivnykh prozvishch* [Dictionary of collective nicknames], ed. by N. V. Galinova. Moscow: AST-PRESS KNIGA. 448 p. (In Russian).

5. Грищенко А. И., Николина Н. А. (2005). Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография / Отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 175–187.

Grishchenko, A. I., Nikolina, N. A. (2005). Ekspressivnye etnonimy kak primety iazyka vrazhdy [Expressive ethnonyms as the marks of hate speech]. In.: Vepreva, I. T., Kupina, N. A., Mikhailova, O. A. (eds.). *Iazyk vrazhdy i iazyk soglasiia v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti* [Hate speech and concord speech in modern socio-cultural context], 175–187. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta. (In Russian).

6. Дранникова Н. В. (2003). Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика. Архангельск: Поморский ун-т, 2003. 432 с.

Drannikova, N. V. (2004). *Lokal'no-gruppovye prozvishcha v traditsionnoi kul'ture Russkogo Severa. Funktsional'nost', zhanrovaia priroda, etnopoetika* [The local-group names in the traditional culture of the Russian North. Functionality, genre system, ethnopoetics]. Arkhangelsk: Pomorskii un-t. 432 p. (In Russian).

7. Жельвис **В. И. (2001). Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в язы**ках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ладомир, 2001. 349 с.

Zhel'vis, V. I. (2001). *Pole brani: Skvernoslovie kak sotsial'naia problema v iazykakh i kul'turakh mira* [A field of swearing: Foul language as social problem in the languages and cultures of the world], 2nd ed. Moscow: Ladomir. 349 p. (In Russian).

8. Левашов Е. А. (1968). «Москвичи и иных мест люди…» / Отв. ред. А. М. Бабкин. Л.: Наука; Ленингр. отд-е, 1968. 104 с.

Levashov, E. A. (1968). *"Moskvichi i inykh mest liudi…"* ["Muscovites and people from other places"], ed. by A. M. Babkin. Leningrad: Nauka. 104 p. (In Russian).

9. Левашов Е. А. (1974). Названия лиц по местности в русских говорах и литературном языке // Диалектная лексика. 1973. Л.: Наука, 1974. С. 113–121.

Levashov, E. A. (1974). Nazvaniia lits po mestnosti v russkikh govorakh i literaturnom iazyke [Names of people, formed from the names of locuses, in Russian dialects and literary language]. In *Dialektnaia leksika. 1973* [The dialect lexica. 1973], 113–121. Leningrad, Nauka. (In Russian).

10. Скворцов Л. И. (1980). Правильно ли мы говорим по-русски? Справочное пособие по произношению, ударению и словоупотреблению. М.: Знание, 1980. 223 с.

Skvortsov, L. I. (1980). *Pravil'no li my govorim po-russki? Spravochnoe posobie po proiznosheniiu, udareniiu i slovoupotrebleniiu* [Do we speak Russian correctly? A reference work on pronunciation, accentuation, and word usage]. Moscow: Znanie. 223 p. (In Russian).

"Irregular" naming as abuse (on one aspect of variance of katoikonyms)

Akhmetova, Maria V.
PhD (Candidate of Science in Philology), Senior Researcher, Laboratory of Theoretical Folklore Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow, 119571, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: malinxi@rambler.ru

Abstract. Formation of variant terms for inhabitants (katoikonyms) of one place is characteristic for the Russian language. Sometimes a variant, which is accepted in local or regional usage, differs from its synonym, used in non-local media. As a result, the local community reflects upon "regular" and "irregular" names — in newspaper articles, on the Internet and in oral communication. "Irregular" naming is associated with "aliens", particularly, with Moscow journalists. Such names are often perceived as abusive. Such a reaction is linked, first of all, with their perception as disharmonious and rough-sounding. Secondly, a variant is often rejected because of its phonetic similarity or rhyme with some word; for example, inhabitants of Tambov reject the term *tambovtsy*, because it rhymes with *ovtsy* (Russian for 'sheep' [pl.]). Thirdly, a variant is rejected because of its homonymy; for example, the term for an inhabitant of Kirov *kirovets*, because of the Soviet model of tractor "Kirovets". As a result, such "irregular" names gain an expressiveness that initially is unusual for the kataikonyms, and can be used as pejoratives or invectives in local speech.

Keywords: onomastics, names of inhabitants, katoikonyms, variance in Russian language, metalanguage reflection.

Akhmetova, M. V. (2015). "Irregular" naming as abuse (on one aspect of variance of katoikonyms). Shagi / Steps, 1 (1), 19–39